

Dohnal, Josef; Ěmin, Fedor Aleksandrovič

Федор Александрович Эмин (1735-1770)

In: Dohnal, Josef. *Русская литература XVIII века. Избранные тексты II., Хрестоматия.*
1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2014, pp. 143-162

ISBN 978-80-210-7065-3; ISBN 978-80-210-7068-4 (online : Mobipocket)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/130400>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Федор Александрович Эмин

(1735–1770)

Если заинтересоваться жизнью писателя, Эмина можно считать наиболее загадочным писателем того времени – со дня рождения вплоть до конца 1750-х годов. о его жизни не существует достоверных данных. Предполагают, что он в своем романе «Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда» описывает отчасти и свои приключения. Он стал издателем журнала «Адская почта», интересовался русской историей, написал довольно большое количество романов. Отыщите названия как минимум двух произведений Эмина кроме тех, которые приводятся в этой хрестоматии.

Эпистолярный роман «Письма Эрнеста и Доравры» написан по образцу произведения одного из выдающихся французских писателей, Жан-Жака Руссо. Попробуйте найти, как называется это произведение.

Обратите внимание на правописание в отрывке из текста «Адской почты» – чем оно отличается от сегодняшнего?

ПИСЬМА ЭРНЕСТА И ДОРАВРЫ (Отрывки)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не мало будет таких, кои, посмотря на заглавие сей книжки, скажут, что она их чтения недостойна. ... Для ученых людей сия книжка -- безделица; строгие добронравия наблюдатели назовут ее развращенною; очень вольно рассуждающие подумают, что в толь великой любви очень много невозможных добродетелей; замужние женщины, узнав, что Эрнест, будучи женат, любил другую, найдут в ней очень много противного своей политике, а особливо те, которые думают, что быть мужем -- значит любить свою жену вечно, хотя она его и ненавидит. Девицам любовных книг, говорят, читать не надлежит,-- а, по моему мнению, приличнее читать любовные книги девицам, нежели замужним женщинам: ибо девицы должны учиться любить добродетельно, распознавать верность любителей и знать их сложения, дабы после, с ними соединясь, жили благополучно; но, вышед замуж, поздно учиться любви и познавать сложения. Однако я знаю, что и девицам сия книжка причинит досаду по той причине, что описуемая мною любовница не за того вышла замуж, которого любила. Кому ж такое сочинение понравиться может?.. Тому, кто, любя верно, такие в любви своей, как и Эрнест, имел успехи.

Некоторые, в романах и в любовных писаниях хороший вкус познавающие, будут иметь причину сказать, что в некоторых моих начальных письмах есть много излишних нравоучений; но если они рассудят, что врожденное самолюбие каждого любителя побуждает обожаемой особе показать свое знание, то увидят, что гораздо меньше должно винить тех, кои, имея переписку с любовницами, весьма разумными и, по причине строгого воспитания, добродетель выше всех прав природы поставляющими, -- философствуют и о разных околичностях тонко рассуждают, чтоб, тем способом пленив прежде строгой особы разум, можно было удобнее и к ее приблизиться сердцу.

Можно будет некоторым опорочить мой вкус по причине той, что последние части не соответствуют первым, ибо в первых постоянство в любви почти на высочайшую степень вознесено, а в последней оно вдруг разрушилось. Я и сам то скажу, что такая сильная, добродетельная и разумная любовь не должна бы переменяться. Поверь, благосклонный читатель, что нетрудно бы мне

было романическое постоянство еще выше вознести и окончить книгу мою в удовольствие всех, соедини Эрнеста с Дораврою; но такой конец судьбе не понравился, и я принужден написать книгу по ее вкусу...

ЧАСТЬ I

ПИСЬМО I ОТ ЭРНЕСТА К ДОРАВРЕ

Большую часть цветущих моих лет препровед в беспрестанных злоключениях, наконец, прибыл я в сей град, надеясь в оном желанное сыскать спокойствие. Но когда несчастных надежда совершается? Без сродственников, без друзей и без благодетелей бедному человеку везде жить горестно и едва сносно до тех пор, доколе его способность не отворит ему пути к началу какого-либо благополучия. Признаюсь искренно, что временем я роптал противу лютости моего рока; иногда безрассудно порочил и ту землю, в которой не мог получить того, чего желал; а иногда, извиняя землю, гнушался народом, чужих несчастий не чувствующим. Такое безумие свойственно почти всем изрядно воспитанным, просвещенным и после того несчастливым людям. Они, находя в себе некоторые достоинства и в горчайшем бедстве погруженны, к высочайшей благополучия степени мысли свои воздвигают; а когда их намерения вожделенных не имеют успехов, тогда ропщут противу своей участи, противу земли, в которой пребывают, и противу народа, с которым обращаются. Какие странные и противные разуму и в просвещенном человеке нетерпеливость производит рассуждения! За что вина ненавидеть народ, о нашей честности, достоинствах, намерениях и способности ничего не знающий? Мало ли было таких нечестивых и по всему свету скитающихся обманщиков, кои, чрез дерзость свою получа великие благодеяния, наконец неблагодарностию, а чаще того бездельством привели в раскаяние благодетелей, им, недостойным, всевозможное вспоможение оказавших? Виноват ли тому народ, ежели и праведным теперь не скоро верить начинает, будучи толикократно лжецами обманут, а особливо в такое время, когда и истина часто ей неприличную на святое свое лицо ухищренного притворства надевает маску?

Такие рассуждения, притом привычка к злополучию, способен вовали мне терпеливо сносить бедность, от недостатка происходящую. Тогда я начал позабывать мое рождение, мое воспитание а счастье, к которому, мне казалось,

что рождение меня назначило; рассуждал беспрестанно, что хотя природа нас почитает за законных своего настоящего благополучия наследников, однако всею природою властвующая судьба часто ее опровергает право, делает то, что ей угодно, препоручая чужое счастье бедному, а чужую бедность счастливому. Все сии рассуждения укрощали лютость бедствия моего, и я по нужде начал философствовать; принял намерение включить себя во общество низжайшей степени, думая, что, чем меньшим буду во обществе человеком, тем больше нужного к пропитанию моему сыскать могу и буду жить спокойно. Такое мое намерение весьма было скоропостижное, и весьма скоро я оное исполнил, сделавшись слугою некоторого господина; но еще скорее оно начало меня делать несчастным в той жизни, которую я прежде почел за спокойную. Не трогало меня то, что я отправлял самую грубую работу; но не мог я без внутреннего страстей волнения слушать частой брани, ни природе, ниже тогдашнему моему состоянию приличной потому, что я ни в чем пред моим господином не был виноват, -- разве в том, что я был слуга, а он господин.

Тогда я узнал, что благородно воспитанный человек не скоро позабудет о том, чем он был прежде, и что никогда меж подлостью, сколько бы беден ни был, спокойно жить не может. Надобно родиться земледельцем, чтоб оную всем философам завидную жизнь препровождать спокойно; но знатного к оной жизни несчастием приведенного человека не веселят журчащие чрез чистые камни и из прозрачных родников проистекающие воды. Зеленые луга, разными цветами распещренные поля, густые и тихие дубравы, где поселянина ни зной солнечный, ни жестокость ветров беспокоить не может, не могут ему быть уютным местом, бляение невинных овец слуху его противно, и чистое млеко, нежнейшая всех пастухов и пастушек пища, лишь возмутит желудок его. Куда ни обратится, везде находит уныние. Мысли его к прежнему счастливому состоянию стремятся, и то, что другие называют приятностию сельскою, он почитает за горчайшее в своей жизни злополучие. Причиною тому наше самолюбие, которое когда вкоренилось в нашу породу, то его весьма из оной истребить нелегко. Оставя моего сердитого господина, нанял я угол в слободе за городом, при реке построенной. Купил уду, ловливал рыбу и тем образом кормился несколько дней.

Наступил месяц апрель. От жестокости морозов свободенные деревья процветать начали; ветви раскинули свои листочки, и мое восцвело благополучие, жестокою судьбою прежде сего замороженное. Я принят в царскую службу с благопристойным чином и с соответственным оному жалованьем; имел случай узнать вашего родителя и увидеть вас. Но как скоро глаза мои с вашими встретились взорами, в ту самую минуту стали видеть прозрачнее; ибо прежде того никого

они так ясно, как вас, не видели. Вы, просветя мой зрак, просветили и разум, и он узнал, что нашел в вас такую важность, которая всех его прежних примечаний была достойнее. Разум, согласясь с глазами, сообщил нечто такое и сердцу, которое вдруг востревожилось, вострепетало, заныло, несколько испустило вздохов и в сем горестном и поныне находится состоянии. Не знаете ли, государыня, какая то болезнь, которую взоры ваши мне причинили? Очей ваших собственность вам должна быть известна. И если имя вами мне причиненной болезни вам известно, то не знаете ли и средства к излечению оной?

...

ПИСЬМО 5 ОТ ЭРНЕСТА К ДОРАВРЕ

Смертию я бы загладил мою дерзость, если бы любил другую, а не Доравру. Но кто полюбит сию всеми святыми добродетелями наполненную особу, того сердце подлым никогда сделаться не может; ибо слабому то свойственно духу, чтоб отчаянием прекращать свое мучение; но сердце, отважившееся обожать Доравру, должно иметь в себе больше крепости и постоянства. Внимай, внимай, святилище добродетели, храм вежливости, любезная Доравра, несчастного любовника намерение, которого долговременное ваше молчание и холодное со мной обхождение причиною. Когда вы одним только меня за мою любовь наградили письмом, то сделали для того, чтоб несчастье мое учинить бесконечным. Пойду отселе в отдаленные страны; зареюсь в дикую пещеру, и письмо ваше, которое никогда не отнесу от моих глаз, будет мне книгою всех уставов. В оной будет написана моя судьба. В оной начертано прошедшее, настоящее и будущее мое злополучие, и с нею я, несчастный, войду во врата вечности.

Я ощущаю тягость вашего негодования больше, нежели силы мои оного снести могут. Но поверь, прекрасная Доравра, естество чистое, что я не ропщу против назначенного мне вами наказания. Свою ошибку узнав, на смерть правосудием осужденный виновник унижается пред определением, у него жизнь отнимающим; с почтением наклоняет свою шею под смертоносный меч и без роптания встречает ту смерть, которая навеки с дражайшею его разлучает жизнью. Толика освященной справедливости есть сила, что и жизнь от оной теряющие правосудие благоговейно почитают. Подобным образом и я почтено, униженно и благоговейно твое за мою дерзость почитаю истязание. Иду из сего града, куда мне покажет дорогу лютость моего рока. Пролит обильные слезы, оставлю сии места,

в которых жизнь души моей остается. Прости, обладательница моей природы, дерзость мою, в коей я признался и за которую уже строжайше, но справедливо наказан. Не негодуй на меня, беспримерная красота, пример вежливости и добродетели. Забудь вину мою и знай, что пожирающая меня любовь наказания, но не презрения достойна. На осужденного на смерть никто не гневается; все о нем сожалеют; и ты, небесная красота, следуя светскому правосудию, сожалеешь о несчастном, от которого последнее сие получаешь письмо, который тебя больше ничем огорчить не может и который идет на вечное заточение, неся с собою лютейшую о твоих приятностях память, коя бесконечно все его мысли, все чувства и всю природу мучить не перестанет. Уже корабль, с которым отселе удаляюсь, к пути готовится. Возрадовался кормчий, что путь, от которого он своей корысти надеется, уже перед носом его корабля. Все мореплаватели охотно в своей упражняются работе; один я, на берегу стоя, всеми моими страстями мятуся; дрожу от страха, чтоб сегодни от сего не удалиться града. Куда ни брошу мысль свою, везде встречает она горесть. Предо мною вечная и ужасная с душою души моей разлука, за мною презрение чистейшей склонности, которая ничего иного мне не обещает, кроме беспрестанного томления. О ты, жестокая судьба! Влеки меня отселе поскорее в неизвестные страны! Ты, неудачливая любовь, товарищ моего несчастья, повсюду за мной следуй и соверши то зло, которое я теперь при отъезде моем ощущать начинаю!

...

ЧАСТЬ II

ПИСЬМО 3

ОТ ЭРНЕСТА К ДОРАВРЕ

Теперь я начинаю познавать народ сего государства, но не знаю, успею ли в моем желании. Ежели французов можно назвать людьми, то я совсем не знаю: что есть человек? Но должно признаться, что они больше, нежели люди. Каждый человек имеет почти особый нрав. Сколько земель, столько обыкновений; но во Франции не только всех народов нравы и обыкновения найти можно, но сыщется там и то, чего во всем свете нет и о чем и сама природа не знает. Итак, по справедливости должно их назвать больше, нежели людьми. И подлинно, французу стыдно человеком назваться.

Какое было мое удивление, когда я пришел в первый раз в такое место, где разные юноши для своего увеселения собирались! Я там больше нашел искренних

друзей, нежели в нашем городе имею знакомых. Каждый из них посвящал себя самого на мои услуги; иной приказывал мне повелевать своим именем; другие говорили, что и в их государстве буду счастлив; были и такие, которые хвалили мою красоту и сановитость возраста {Фигуры, роста}. Некоторые утверждали, что нельзя тому стать, чтобы я в первый раз, и то недавно, приехал во Францию; а те, которые важнейший показывали вид и которых я почитал за французских философов, потому что ходили с тростями длинными, в черном коротком платье, с голубыми подшейниками и были ветренее прочих, утверждали, что я с ними шушу и что я, конечно, родился во Франции. Если бы я верил философам, о преселении души утверждавшим, то, конечно бы, подумал, что родился во Франции и что после переродился в другой земле; потом опять достался в прежнее отечество и там нашел всех своих друзей и сограждан, которые толь ласково меня принимают. Я всем моим товарищам, которые приехали с нашим послом, выхвалял сей народ, говоря им, что мы попались в райскую аемлю, в которой все, что ни есть, общественное. „О Франция! -- вскричал я, -- здесь все друзья, и все человеколюбием наполнены. В нашей земле,-- продолжал я,-- двадцать лет живучи с приятелем, нельзя так верно содружиться, как я в один день со многими здешними знатными познакомился юношами так, что каждый из них хочет со мною пополам делить своим именем“. Признаюсь тебе, любезная Доравра, в моей легковёрности; я надеялся скоро быть богаче вашего родителя, думая, что если только часть мне ими обещанного от них получу имения, то всех буду богаче в свете. Но из моего заблуждения вывел меня наш дворянин посольства, который несколько раз был во Франции, сказав, что еще много я таких сыщу друзей, которые, в первый день со мною видясь, всем своим добром делиться захотят. Но если с ними буду знаться несколько лет, то после меня и в лицо не узнают. И подлинно так: чем чаще я с моими мнимыми друзьями виделся, тем больше они меня позабывать начали. Тогда я начал исследовать такие их странные поступки и сложения и узнал, что они то делают не ради обманывания людей для своей собственной пользы, как то прочим ласкателям свойственно, но единственно от врожденной ветрености и охоты к частным переменам. Они говорят и делают случайно, редко повинуюсь рассуждению. У нас обыкновения зависят от разума, а там разум зависит от обыкновений; что сделано по моде и по-французски, то сделано весьма разумно и общих достойно похвал.

Опорочивание есть вкус, властвующий французами так, как рассудок без заключения есть свойственное оному народу преимущество. Их книги опорочивают нравы, а часто и правления всех прочих народов, и их разговоры по большей части состоят в том, чтоб порочить чужие недостатки. Сею страстию

почти их весь воздух заражен; ибо я видел в шальных {Сумасшедших.} домах их сумасшедших, порядочно рассуждающих о сумасшедстве своего товарища в то время, когда сами о себе ничего не помнят и не знают. Я говаривал со многими их вельможами, в государстве знатные чины имеющими. Что же ты о них, любезная Доравра, заключить можешь? Конечно, скажешь, что ежели французские конюха и их повара, в нашу приезжающие землю, люди весьма разумные и учат детей наших знатных господ всем почти наукам, то все их министры должны быть учнее Сократа. Но нет, те, которые у нас учат всему, сами ничего не знают; они подобны лживым нашим пророкам, которые предвозвещают будущее, сами того не зная, что в день их пророчества пойдут в полицию под пытку. И здесь есть таких много обманщиков, которых шарлатанами называют; из которых каждый во Франции графинчиком воды, чем-нибудь заправленной, лечит все болезни и обещает, что сие его лекарство и худые нравы в наилучшие обыкновения переменить может. Сие бесценное лекарство они продают за гривну. Свет теперь таков, что дерзкие и беспутные люди и разумных обманывают. Но шарлатаны и возницы, в наше государство приезжающие, весьма дорого продают свое невежество и за обучение тому, чего сами не знают, получают от наших господ такую плату, которой и достойные люди, во всю жизнь о пользе отечества стараясь, дослужиться случая не имеют.

Знатные и ученые их люди здраво о обращениях светских рассуждать не умеют. Что принадлежит к благополучию общества, того они не знают и не умеют распознавать тех самых людей, с которыми живут. Но все их искусство состоит в том, чтобы ложь острою разума и разными хитрыми доказательствами сделать правдою; они под видом философии стараются затмевать начало добродетели; страсти свои учатся прикрывать притворством ласкового виду; тщатся своим порокам дать имя добродетели и согласуют свой разум с обыкновением времени, того не рассуждая, что разумный человек во всякое время должен стараться, чтобы им управляла добродетель, и что одно только наше тело должно согласоваться со временем. Ежели на дворе дождь, то должно надеть епанчу, а когда сухо и тепло, то оную скинуть. Но дух наш всегда равные должен иметь правила и управлять временем, а не ону повиноваться. Добродетельному сердцу должно быть праведну, хотя бы весь город утопал в пороках. Но во Франции, ежели кто не согласуется с обыкновением времени, того никто за добродетельного не почтет, и многие из них скажут, что таковой развращает народ. Но, по несчастию, сия французская добродетель и во многие иные вкоренилась места.

Здесь никто не имеет попечения, чтобы знать склонность и сложение {Склад характера.} своих сограждан, а стараются только о том, чтоб узнать, кому что

надобно, чтоб наперед искусно его уведомить, что знают о том, о чем он им говорить хочет, и чрез такую хитрость представляют себя весьма разумными людьми. Ничего тайного у них нет; о чем говорят тайно в парламенте по утру, о том камердинеры и лакеи после обеда будут разговаривать в трактире, узнав тайну от своих господ в то время, когда им чесали волосы и когда об оной сии вельможи с своими приятелями советовали, как им лучше подкреплять надлежало свои намерения. Башмачники и портные, собравшись в вольный дом, решают министерские дела. Один из них рассуждает, что с Англией война надобна; другой перемирие делает. Иной говорит о науках и бредит наизусть выученные дурные стихи; а прочие духовенскую власть или порочат, либо похваляют, из чего заключить можно, что никто из них ничего не думает, а говорят все о том, о чем в городе слух носится, и делают то, что им случаи предлагают.

Что мне всего чуднее -- что там почти никто своей должности отправлять или не умеет, или оной стыдится. Шуты, которых там очень много, идучи по улице, показывают кавалерский вид. Придворные знатные юноши стараются философствовать. Попы выдумывают моды и изрядные бывают танцмейстеры; они учат по домам по большей части девушек писать, хорошо обращаться в свете, а часто и танцевать. Великие господа живут у них умеренно, без больших экипажей; а монахи и архиереи великолепно и множественными окружены служителями. Авторы иное пишут, иное думают. Чернецы, в пустынях {Монастырях.} живущие, сочиняют любовные романы; а иные делают планы и учат, как строить крепости и города. Словом сказать, нет здесь почти такого художника {Здесь: искусник (в любом деле).}, который бы не представлял себя своим товарищам не тем, что он есть. Я весьма удивляюсь, как многие стараются перенимать нрав у такого народа, который в один час несколько раз переменяет свои мысли, ни о чем не думает основательно и имеет один только вид блистательный, который многие обманывает глаза. Я их по справедливости уподобить могу яблокам в Египте, на земле растущим, которые весьма приятный имеют вид; но когда оные раздавить, то в середине бывает дурная гниль. С кем мне знаться, истинно не знаю. До сих пор я еще все вижу французов; но когда сыщу человека, то о том тебя, любезная Доравра, уведомить не премину.

К Ипполиту я писал письмо и поздравил его с благополучною любовью; но когда себя поздравлю с счастливым к тебе, любезная моя, прибытием!

...

АДСКАЯ ПОЧТА ИЛИ КУРИЕРЪ ИЗЪ АДА СЪ ПИСЬМАМИ

сочиненіе ѲЕДѢРА ЭМИНА

на ижд. П. Б.

въ Санктпетербургѣ, съ дозв. указн. 1788 года.

ПИСЬМО I.

Отъ Криваго къ Хромононому.

Ну, братъ! познакомился я съ такимъ человѣкомъ, которому желаю жить на свѣтѣ множество лѣтъ; ибо ежели онъ скоро умретъ, то пришедъ къ намъ, всѣмъ адомъ ворочать станеть. Подлинно лукавецъ! Ежели человѣка бѣсомъ назвать можно, то онъ генераль бѣсъ. Въ бытность мою въ домѣ его, пришелъ къ нему какой то старичокъ, отставной Офицеръ, съ прозвобу, не можетъ ли ему написать крѣпость на мужика, котораго онъ купилъ, и коего хочетъ отдать въ рекруты. Секретарь по подъячески половиною рта отвѣчалъ: „Ваше благородіе! прошу не погнѣваться, что вамъ не въ состояніи нахожусь быть услужнымъ, понеже де имѣется указъ, чтобъ до окончанія рекрутскаго набора никакихъ крѣпостей не писать, не чинить и не давать.“ Какъ же мнѣ быть батюшка, сказалъ старичокъ: я уже далъ и задатокъ, а сторговалъ мужичка за сто рублей: крестьяне же мои заплатили мнѣ три ста рублевъ, чтобъ изъ деревни не брать рекрута. Помилуйте, ежели можно: я вамъ пятью десятками рублевиковъ за труды служить буду. „Премногомилосердый государь, отвѣчалъ хозяинъ, развѣ посмотрѣть въ указную книгу.“ Выговоривъ сіе думалъ нѣсколько минутъ, потомъ сказалъ: „согласны ли ваши благородія оба, то есть, одинъ на покупку, а другой на продажу человѣка?“ Какъ не быть согласнымъ батюшка, отвѣчалъ старичокъ. „Ну, такъ дѣло рѣшено. Продавецъ можетъ будто отпустить на волю продаваемого крестьянина, и дать ему письмо; потомъ отъ имени мужика написать челобитную, что онъ, по причинѣ дороговизны не могши себя пропитать, желаетъ къ вамъ вступить въ подданство, на что по указамъ дастся вамъ крѣпость; тогда вы вольны съ нимъ дѣлать, что хотите;“ а ежели, сказалъ Офицеръ, мужикъ донесетъ на насъ, что онъ никогда не былъ уволенъ, не будетъ ли какихъ хлопотъ? „Не велѣно ваше благородіе, отвѣчалъ хозяинъ, принимать доносовъ отъ крестьянъ на своихъ помѣщиковъ;

да мужичокъ ничего не можетъ и вѣдать, только бы продавцовой руки было у насъ вольное письмо, а я крѣпость велю написать, и вамъ въ руки отдамъ: тогда къ вамъ приведутъ мужичка, и вы его отдадите въ рекруты. Совѣтъ хитрый сего подьячаго въ скоромъ времени былъ произведенъ въ дѣйство и я весьма тому удивлялся, что многіе приказные, въ свою пользу такъ умѣютъ подбирать указы, какъ игроки карты.

2. Отъ Хромоногаго къ Кривому.

Третьяго дня прибылъ я въ здѣшній городъ около полуночи. На другой день вставши по нашему обыкновению весьма рано, пошелъ прогуливаться. Проходя мимо женскаго монастыря, недалеко отъ котораго я ночевалъ, увидѣлъ старицу лѣтъ двадцати за монастыремъ, недалеко отъ воротъ стоящую. Она дрожала отъ страха, и на всѣ стороны оглядывалась; но какъ скоро меня увидѣла, то вздрогнувъ ахнула, и остановилась на мѣстѣ, не зная что дѣлать. Я такой прекрасной особѣ желая сдѣлать совѣтами своими помощь, прибавилъ ходу моему костылю, и тотчасъ къ ней подлетѣвъ, сказалъ: пойдѣмъ преподобная подалѣе. Я думалъ, что большая ея нужда была та, чтобъ удалить ее отъ монастырскихъ воротъ, изъ которыхъ кто нибудь вышедши, могъ бы ее увидѣть, и препятствовать ея намѣреніямъ. Она въ такой находилась робости, что безъ всякаго противорѣчія и ужимокъ свѣтскимъ барынямъ свойственныхъ за мною пошла. Приведши ее въ рощу, объявилъ ей свой чинъ. Она съ великаго къ оному почтенія еще болѣе обробѣла. Но какъ мы бѣсы скорѣе можемъ испужавшихся барынь освободить отъ робости, нежели простосердечные и смиренные люди, то не много мнѣ стоило труда укрѣпить сей прекрасной старицы сердце такъ, что она со мною стала разговаривать смѣло. Можетъ статься она отъ меня и помощи въ своемъ намѣреніи надѣялась. И такъ мы съѣли на травѣ другъ отъ друга не далеко. Тогда я просилъ ее о объявленіи мнѣ истинной причины выхода ея изъ монастыря и послѣдующихъ оному замѣшательствъ, которыя прежде на лицѣ ея примѣтилъ. „Г. бѣсъ, сказала молодая старица, передъ вами ничего утаить не смѣю, зная, что вы господа очень прозорливы. Я имѣя шестнадцать лѣтъ отъ роду, вступила въ монастырь. Большая моя сестра просидя до 35 лѣтъ въ дѣвушкахъ, весьма тѣмъ была не довольна, что женихи въ нашъ домъ появляться начали: она почитая за стыдъ, что меньшая сестра прежде ее выдетъ за мужъ, уговорила на то мою матушку, чтобъ отдать меня въ дѣвичей монастырь. Чтобъ лучше успѣть въ своемъ намѣреніи, подговорили онѣ нѣкотораго старца, дабы меня своими наставленіями побудить

постричься въ старицы. Сей набожный чернецъ училъ сестру мою Богословіи, и такъ къ своей ученицѣ привыкъ, что не смѣлъ не: выслушать такой ея прозбы. Онъ съ самаго начала сталъ мнѣ толковать, что ничего въ свѣтѣ стыднѣе нѣтъ, какъ женщинѣ съ мужчинами соединяться, и что родящей женщинѣ предстоитъ опасность умереть въ безпамятствѣ безъ покаянія, и чрезъ то погубить свою душу. Потомъ смоль много мнѣ говорилъ съ правдою сходнаго, что я твердое приняла намѣреніе на другой же день вступить въ монастырь. Наконецъ, чтобъ больше меня утвердить въ моемъ предпріятіи, безъ всякаго доказательства и ума сказалъ старецъ, что женщина, которая родить, погибнетъ на вѣки.

„При разлукѣ съ матушкою очень я плакала, а особливо о томъ, что она должна была по мнѣнію старца за то быть въ адѣ, что меня родила въ свѣтѣ; словомъ сказать, вошла я въ монастырь, гдѣ жила въ ономъ подѣ искусомъ, на конецъ сдѣлалась старицею. Но теперь имѣю двадцать лѣтъ, и не то думаю, что думала будучи шестнадцати. Безпрестанная тоска меня мучить; всякой часъ чего то мнѣ не достаетъ, и когда совѣсть свою изслѣдываю въ томъ, чего она желаетъ и то кажется мнѣ, что желаетъ мужа. Теперь я старицамъ всегда о томъ твержу, что нѣтъ на свѣтѣ женщины щастливѣе той, которая съ мужемъ живетъ хорошо. Иные изъ нихъ нравоученіемъ моимъ наскучивъ по тому, что уже имъ шестой десятокъ лѣтъ, говорятъ, что дѣвица, а особливо старица имѣетъ такого жениха въ вѣчномъ царствіи, которымъ на вѣки будетъ щастлива: онѣ говорятъ правду, но я сколько ихъ истинну ни почитаю, однако по нещастію своему чувствую, что сердце мое захотѣло бы выйти замужъ и за кого другаго. Знаю, что мысли мои часто заблуждаются; но врожденныя мои склонности порокъ свой за щастіе считаютъ. Теперь лучшее мое упражненіе, читать любовныя книги, которыми меня ссужаютъ сестры мои; ибо много въ нашемъ монастырѣ есть старицъ моихъ мыслей. Недавно я отъ самой Игуменни, которой всего двадцать пять лѣтъ отъ роду, слышала слѣдующее нравоученіе. Какое есть заблужденіе родителей, говорила Игуменья, незрѣлаго разума дочерей отдавать въ монастырь! Коль часто случается, что родители: будучи заражены какимъ либо предрасудкомъ, дочерѣ своей дѣлаютъ похороны въ монастырѣ, думая, что въ то время во ономъ всѣ ея страсти и желанія погребаютъ; но оныя страсти года черезъ два или три бывають оживлетворяемы случаями. Дѣти, которые могли бы отъ оныхъ дѣвицъ родиться, естли бы онѣ вышли за мужъ, съ оными вмѣстѣ въ монастырѣ погребены. Во обществѣ отъ того убытокъ, а небу изъ того прибыли нѣтъ; ибо часто случается, что нашель старица тайну сдѣлать отъ своего челоуѣчества плодъ, оный отъ стыда погубляетъ. Ахъ! сія премудрая Игуменья говорила правду, продолжала моя

старица я сама изъ опытовъ то знаю, и по тому ты меня нашель въ такой робости.“ Она хотѣла болѣе со мною говорить; но колокольный звонъ ее потревожилъ; ей должно было итти къ заутренѣ, и она простясь со мною, побѣжала въ монастырь, обѣщавъ и въ слѣдующій день явиться на то же мѣсто, и увѣдомить меня обстоятельно о другихъ своихъ въ монастырѣ приключеніяхъ. Другъ! чрезъ будущую почту другое получишь отъ меня о жизни сей старицы письмо.

Чтожъ я прежде къ тебѣ началъ писать о дѣвичьихъ монастыряхъ, нежели о старческихъ; то ты самъ догадаешься, какая тому причина. Мы обращаясь въ свѣтѣ, видѣли, что мужъ жену сажаетъ по правую руку, и что женщинамъ дается предъ мужчинами преимущество; а ты самъ знаешь, что мы бѣсы не худые политики.

3. Отъ Хромоногова къ Кривому.

Думаю, что ты охотно ожидаешь отъ меня продолженія исторіи молодой старицы. Дѣло братъ тѣмъ кончено, что въ монастырѣ ее больше нѣтъ. Я послѣ перваго своего съ нею свиданія на другой день пришедши подъ монастырь, увидѣлъ, что кругомъ около онаго бѣгаютъ старицы. Одна изъ нихъ ко мнѣ подошедъ, спросила: не видалъ ли ты такой то лицомъ и ростомъ старицы на дорогѣ идучи къ ихъ монастырю? Я ей отвѣчалъ, что нѣтъ, и догадываясь о всемъ, пошелъ назадъ. Конечно моя старица разсудила за благо, не дожидаясь моего совѣта, удалиться изъ монастыря съ своимъ любовникомъ. Любовники у бѣсовъ рѣдко спрашиваютъ въ своихъ дѣлахъ совѣта: они самага лучшаго изъ насъ стоятъ въ такихъ случаяхъ

Теперь тебя увѣдомлю о досадѣ П. Я. Къ сему господину пришелъ я съ почтеніемъ. Онъ меня принялъ по старинѣ невесма ласково, но какъ мы умѣемъ со всякими людьми обращаться, то я отвѣсивъ нѣсколько передъ нимъ поклоновъ, вошелъ въ такую его милость, что онъ приказалъ мнѣ съ собою обѣдать. За столомъ мы ѣли не очень хорошо, но пили преизрядно. Рѣчь у насъ была во все время одна. Сей господинъ не доволенъ былъ отвѣтомъ Камердинера нѣкотораго знатнаго и случайнаго вельможи, къ которому онъ писалъ письмо. Онъ и свое письмо и его отвѣтъ прочелъ намъ за столомъ, кои суть слѣдующаго содержания.

Милостивый Государь!

Я весьма несчастливъ, что не имѣлъ случая съ вами познакомиться тогда, когда вы были еще въ невеликомъ чину при вашемъ господинѣ; однако надѣюсь, что вы и нынѣшнее хотя позднее, но искреннее мое почтеніе призреть не изволите,

а особливо узнавъ, что я имѣю честь быть вашимъ родственникомъ. Канцеляристъ у меня живущій, доказательно меня увѣдомилъ, что вашъ прадѣдъ былъ женатъ на троюродной сестрѣ своячины моей прабабки; ежели надобно, то я вамъ пришло родословное древо, на отрасляхъ котораго всѣ наши родственники процвѣтають. Сдѣлайте милость, извольте попросить Его Высокопревосходительство, дабы постарался, чтобъ сынъ мой былъ отставленъ здѣсь съ своимъ жалованьемъ, и не пошелъ въ походъ. Я самъ никогда не воевалъ, однако хлѣбъ ѣмъ.

Отвѣтъ.

Естьли можно будетъ, то я исполню Вашего Превосходительства повелѣніе, однако въ награду за мои услуги, прошу меня освободить отъ Вашего родственничества, въ которомъ быть съ вами я почитаю себя за недостойнаго.

Видишь другъ, люди не по нашему живутъ въ свѣтѣ. Теперь я вижу, что мы не совсѣмъ еще просвѣщены. У насъ такого господина почли бы за подлеца, однакожъ онъ слыветъ изряднымъ политикомъ. Камердинера же ему отвѣчавшаго, нашъ братъ назвалъ бы честнымъ и свою должность и состояніе знающимъ челоувѣкомъ; однако г. П. засыпалъ его за столомъ ругательствами.

4. Отъ Хромоногаго къ Кривому.

Сего дня пировалъ я цѣлый день съ здѣшнимъ настоятелемъ. Куда онъ добрый челоувѣкъ. Естьли правду говорятъ, что тотъ больше работаетъ, кто больше ѣстъ, то не скоро у насъ сыщешь такого какъ онъ трудолюбиваго бѣса. Онъ всячины съѣлъ съ пудъ, выпилъ не знаю сколько, а только я могъ примѣтить, что губы у него во весь день не сохали: наконецъ никакой ѣствы брюхо его больше не принимало, да и ноги были ему не въ пользу; онъ принужденъ былъ лечь на постелю; но сіе событіе тебѣ не въ диковинку; ибо ты много видалъ въ свѣтѣ монаховъ о брюхѣ равно какъ и о душѣ попеченіе имѣющихъ. Вотъ что странно, что онъ сколько былъ пьянъ, столько и набоженъ. Не могли владѣть ни руками ни ногами, сказалъ своему слугѣ: *перекрести меня*. Не успѣлъ онъ его перекрестить, то онъ дремля, приказалъ ему, чтобъ у его постели прочелъ вмѣсто его вечернія молитвы что было и исполнено.

Многіе скажутъ, что я будучи бѣсъ, не хорошо говорю о монахахъ. Вътъ

и они же намъ надоѣли; однако я сказалъ истинну, что и въ семь санѣ много есть разныхъ людей. По крайней мѣрѣ нынѣ экономія и разумное правленіе многихъ ихъ начальниковъ, можетъ статья, спасуть ихъ отъ излишней жирности и роскоши такъ, что безъ помощи келейника они будутъ въ состояніи креститься и отправлять свою должность.

...

http://az.lib.ru/e/emin_f_a/text_1788_adskaya_pochta_olorfo.shtml

НАГРАЖДЕННАЯ ПОСТОЯННОСТЬ, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛИЗАРКА И САРМАНДЫ

Лизарк был мнимой сын Вопсида, славнаго издревле философа Персидскаго. Он по смерти мнимаго родителя своего, одно только философии знаніе получа в наследіе, вознамерился отправиться из Персии в Египет. Великия Инака Государя Египетскаго добродетели, которымъ вся Персія чудилась, во всей подсолнечной гремящая мужества его слава и геройскіе действия, подавали Лизарку великую надежду в сысканіи своего щастія в Царстве Египетском. И так Лизарк взяв с собою свою философію, в которой все его состояло имение, пустился морем в путь. О непрозорливыя человеческия желанія! Лизарк искал своего щастія и Лизарк препоручил жизнь свою морским волнам, которые и самых благополучнейшихъ людей в свои погружаютъ недра.

В несколько недель после его отъезда из Персии, когда уже корабль ихъ к Киприйскимъ приближался брегамъ, заревело под ними море быстрошумящими волнами обуреваемое, то бездонныя свои открывая челюсти, то недосыжныя из пучины своей вознося горы; корабельныя снасти зашумели, матрозы бледнеть начали, кормчий утратил свою смелость, повсюду разлилось отчаяніе, и каждой близко себя находящагося своего сотоварища и нещастія соучастника, в безсильныя заключалъ объятія, темными и прерывающимися с нимъ прощаясь словами.

Сии послѣднія ихъ прощанія происходили от предвиденной разлуки. О нещастная разлука! после которой никто не знает, куда ему итти следует. Небо покрылось тьмою, солнце скрыло пред светомъ свою светлость, ветры сильно ревели, облака меж собою сражались и ихъ треніе страшныя производило молніи, такъ что казалось, яко бы весь воздухъ загорелся, а волнующееся море такой видъ показывало, что будто весь светъ затопить готовится! Лизарк с прочими своими сотоварищами слезнымъ окомъ смотрелъ на приближающееся нещастіе.

Философия в то время его оставила, и он таким был объят страхом, которой в нещастии небывшим философам безъизвестен. То в верх возносил сверкающиеся свои глаза, думая, что оттуда кончина его низлетит, то смотрел в низ, когда корабль в морских волнах погружаться казался, опасаясь чтоб с соленою водою не проглотит ему ужасную смерть свою. Не приходило ему на разум никакое средство, у котораго бы мог искать своего спасения, как для того, что в таком случае никаких почти не бывает средств, так потому, что страх из человеческих мыслей все средства и рассуждения изгоняет, и он ни о чем ином в то время думать не мог, как только о том, что неотменно погибнет.

Но непостоянный рок умилостивился над их рыданиями, и отложил всю строгость до другого времени. Тогда солнце паки земному шару лице свое показало; ветры укротили свою свирепость на воздухе; приятная воспоследовала тишина; корабельные парусы побелели, которые прежде морская вода темными сделала; море шуметь перестало; корабль более не шатался, и стал быть уютным жилищем тех, которые прежде оной за орудие своей гибели почитали. Каждый поздравлял своего товарища с превращением лютаго жребия, и один другому желали благополучия и достижения к желаемому месту.

Тогда пошел Лизарк в свой угол, которой он убрал своею епанчею, и уснул своим тюфяком. Там к нему возвратилась философия, и он таким начал рассуждать образом: о превратное щастие! размышлял в себе Лизарк, лице твое подрумянено теми красками, которыя тот смывает. С начала ты желаниям человеческим весьма приятно, цвет твой хорош; но коль скоро судьба на человека низошлет заключение, от котораго есть ли он слабость начнет, то веселой твой цвет с потом исчезнет, так что и знаку не останется, где твоя была красота. В руках твоих несправедливой находится безмен; на которую сторону кто ни положит свою надежду, нигде равновесия сыскать не может. В бедное одетая платье добродетель под твоими ногами стонет, и ты оную безрассудно топчеш и попираеш. Бриллиантами украшенная бледнаго лица женщина богатством владеющая, и от зависти изсохшая сидит возле тебя, и ты на оную приятным оком зриаешь; но и та не веселым глазом на тебя смотрит, или опасясь, чтоб ты с нею не прекратило дружества, или сомневаясь о твоей постоянности, по тому что когда тебе богатства наскучат, то оныя бедности препоручаеш. На челе твоём изображено солнце, которое всякаго состояния людям приятно, и коего и те самыя, коих горячестию своею согревает, безпрестанно жадничают, и без онаго пасмурные препровождают дни.

После таких рассуждений вышел он на палубу корабля. Тем новое разъяренной на него судьбы глазам его предстало явление. Александрийской морской

разбойник на их настигал судно, и в скором времени пресек онаго быстрой бег. Кормчий их судна с отменною храбростию защищал свое водяное обиталище; но превосходная сила превозмогла справедливость. С неприятельского корабля стрелы наподобие граду падали в их судно, и в малое время большая часть их матрозов была побита.

После сего на море воспоследовали порывистые ветры и сломили у их судна мачты; морской шум и печальные матрозов крики пронизали человеческие сердца. Несколько матрозов с мачтами в море низверженных, к оных приценившись, жалостным голосом требовали от сотоварищей своих вспоможения. Но как может помогать другому тот, которой сам всякой помощи и надежды лишенным находится? Все они подобной судьбины ожидали. Кормчий их облокатысь о кормило, ломал свои руки, и перестал повелевать своими подчиненными, находясь сам в повелениях свирепаго жребия.

Тогда из разбойнического судна подплыла к ним шлюбка, и те, которые от морских волн спаслись, достались в добычу неприятелю. Тяжкая неволя избавила их от смерти. Лизарк был весьма пригож лицом, что приметя разбойнической начальник, надеялся за него не малое число получить денег. Он продавши прочих невольников в Александрии, повез Лизарка в египет, и продал его Инаку, Государю Египетскому.

Сановитость возраста и лица стройность, которою его одарила природа, больше ему годилась в Египте нежели философия. Инак зделал его пажем Изиды, едиnorodной своей дочери. Тогда он неволю свою почитал щастие, понеже он у мнимаго отца своего по нужде вел стоическую жизнь, а при дворе Принцессы всеми роскошами наслаждался.

Изида была удивительной красоты, 17 лет от рождения своего считавшая, и ежели Венера в Греции красотою к божеству достигла будучи включена в число богинь, то Изиды лепотою своего лица всех богинь Греческих превосходившая, могла по справедливости назваться богинею Египта. Длинные и черные ея волосы по златотканной одежде распущенные, больше золоту, нежели золото оным придавали приятностей сияния; белое на подобие чистаго алебастру лице ея, изображало в себе всех богинь красоту; черные очи и брови показывали два приятнейшия полукружия, означивая, что хотя бы два света в натуре находились, каждого из них красота ея была бы центром.

Приятность улыбающихся ея взоров показывала ту радость, кою боги на Олимпе возвеселяются; а богинь Парнаских язык не был столько приятен, сколько удовольствия приносили изрекаемая Изидою слова, всем ея речей слушающим. Что касетя до ея возрасту и прекраснаго стану, то могла ли природа в сложении

онаго ошибиться? он соответствовал совершенной ея красоте, и превозвышал все то, что есть приятнейшаго в свете.

Лизарк повседневно взирая на совершенности Изидины, думал, что Персы Олимпом называли Египет, и что Инак слыл в свете под именем Юпитера, которой не чрез что иное заслужил старшинство над богами, как что произвел в свет такую дочь, которая одною только красотою превозвышала все достоинства богов. Он себя начал почитать щастливейшим Персидских богов, слонов жертвами наслаждающихся, потому что мог обозревать свободным оком новой своей богини приятности; на то прежнее его щастие, которое он за верх своих почитал желаний, начало мало по малу сердцу его быть несносным.

Любовь начала в нем новыя производить действия, которыя наполнили его скукою и разными желаниями. Лизарк не могши еще узнать, от чего его уныние раждалось, начал исследовать внутреннее свое состояние, сделал прибежище к философическим разсуждениям, однако у оных никакого не нашел вспоможения; но коль скоро обратил разсеянные свои мысли к приятностям Принцессиным, то узнал, что корень любви в сердце его возрастать начинал. Сие мысленное уведомление весьма его потревожило. Устрашался от собственных мыслей; упрекал другими мыслями продерзкия свои желания; но те желания ни о чем ином ему помышлять не дозволяли, как только о красоте Принцессинной.

О небеса! разными размышлениями колебаем вскричал сей несчастной: о желания! продерзкия желания! куда вы простираетесь? к Изиде! к Принцессе! к первой в свете красавице! Ах! можно ли того желать, чему быть не лзя! Лизарк! опомнися. Вспомни то, что паж Изиды. Знаеш ли ты сам, что предпринимаш? Ах, ты уже виноват пред законами, когда думать только о толь неприличной твоему состоянию любви начинаеш. Но какие естество имеет законы? по своей философии продолжал разсуждать Лизарк. Может ли кто природе поставлять пределы кроме богов? Они человекoв создали без различия. Мы все от одного отца происходим; одна всех нас была матерью Это только человеческия неправедныя разсуждения положили между людьми различие. Натура сделала свет для всех людей, а не для одних только Государей; и ежели Изиды в природе имеет место, для чего же не обожать сего удивительнаго общей рукодельницы происшества? Можно ли Государям быть без подданных? не должно ли подданным любить своих Государей? А хотя бы и по законам разсуждать, то мне дочь Государя моего любить невозбранно.

Но в чем любви подданнаго состоять должно? далее разсуждал Лизарк; не в том ли, чтоб Государя своего повеления исполнить и быть ему верным подданным? Ах несчастная философия! куда ты мои мысли влечеш? Как мне быть верным дочери,

ежели неверным отцу ея становлюся? Кто мне повелевает любить Изиду? Разве любовь, отчаяние и безвластная природа? О несчастная природа, никакого права не имеющая, кроме подчиненности и терпения!

Просвещение вовсе тебя разорило, и только по тебе дозволено, чтоб в мыслях философов пребывать. Они только о тебе помнят, и тебя еще почитают. О маловажное почтение! как может кого почитать тот, кто сам ни какого по чтению не обрящет? Что за корысть наложить на того дань, кто сам себя пропитать не может? О скудная философия! которая только во время крайней нужды человеку благоприятствует. О злощастная природа! которая там только имеет свое право, где его в действие произвести не можно.

После таких размышлений пошел Лизарк к своей Принцессе. Тогда было обеденное время, и ему за Принцессиними креслами стоять надлежало.

Лизарк стоял за Изидою разными мыслями удручаем. Лизарк уже был не тот Лизарк. Тогда он стыдился, что его природа произвела из бедных родителей. Мысли имел к царствованию весьма склонныя, и может быть, что и способныя; но не доставало ему возможности в том намерении.

Пищею, которого Принцесса пользовала себя, он был больше сыт, нежели она. Напитки, которыми она наслаждалась, желал чтоб ей были небесными лекарствами безсмертие приносящими. Казалось ему, что только одна Изида сидела за столом; ибо он кроме ея никого не видел, и только временем представлялся глазам его. Инак, на котораго он в то время взирал, когда опасался, чтоб не посмотрел на него сей Государь, и не приметил того, что он устремил свой взор на Изиду. И хотя позади стула ему стоящему лице сей красавицы не было видно, однако он мыслями своими безпрестанно на приятность ея смотрел, и конечно тогда больше мысли его нежели глаза, узнавали совершенства Изидины.

После обеда встала Изида из за стола. Лизарк нес за нею порфиру в руках своих, но сердце его несло всю ея особу. Считал все ея шаги, и с такую крепостию, находясь в забвении, держал край ея порфиры, как будто опасался дабы Изида из рук его не вырвалась. Изида пришла в свой кабинет; тогда принужден был Лизарк пустить из рук своих края ея порфиры, и удалиться от той, которая вся в его сердце заключена была.

Отступя на несколько шагов от Принцессы, стоял возле дверей ея кабинета с такою робостию, что казалось ему, будто Принцесса все его сердечныя движения видит; но от того тщетнаго страху избавила его Изида, сошед из глаз его в свою спальню для упокоения. Что же после ея отсутствия с Лизарком сделалось? Он больше любил Принцессу, когда ее не видел, потому что любовь в присутствии своего предмета всегда труслива.

Оставшись сам в кабинете Принцессы, жестокими своими вздыханиями ее искал; смотрел рвущимися глазами на ту дверь, которая была границею меж его желаниями и особою Изиды. Сердце его строжайшими было терзаемо уныниями, и сокрушалось о прискорбности его очей, что из виду своего потеряли Принцессу. Они без нее ни чего видеть не могли, и вся солнца ясность земной шар озаривающая, мрачную ему быть казалась тьмою, понеже он ни чего того увидеть не мог, к чему все его мысли стремились.

Взглянув пристально на ту дверь, которая лишила его совершеннейшаго удовольствия, так размышлял: о щастливыя вы немья и безчувственные стены, которым Принцесса особу свою поверила. Ах судьба! жестокая судьба! Она тому совершеннейшая препоручает вещи, кто их цены не знает. Уже ли бы я лучше не мог хранить особы обожаемой Принцессы, нежели те безчувственные замки? Ах! я бы жизнь свою посвятил с охотою на ея защиту. Ктож спорить может отчаянным сердцем? Кто силам его противостоять отважится? и что сильнейшаго есть в свете отчаянной любви? О сильная любовь! любовь чужаго спокойствия хищница! чудныя ты имееш свойства. Храбрейших героев побеждаеш и своему подвергаеш могуществу. Монархи короны свои, скипетры и самих себя тебе отдают в дань; войны пред тобою полагают оружие; ты всякие ломаеш щиты, никто в крепчайших замках от тебя заключиться не может. Мудрость пред тобою бессильна. Робеет искусство и ржавеют художества; ибо к чему годятся орудия, когда рукодельника сердце заражено любовию.

...

<http://u2.u-strasbg.fr/ici/UMB/site/UserFiles/File/slave/La%20Patience%20r%C3%A9compens%C3%A9e.pdf>